

Власть, аттракция и референтность в социальных отношениях макроуровня: закрытая группа и закрытое общество¹

Н.К. РАДИНА

*доктор политических наук, кандидат психологических наук,
профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» – Нижний Новгород*

В статье представлено исследование, направленное на эмпирическую проверку теоретической гипотезы, согласно которой трехфакторная модель «значимого другого» А.В. Петровского, используемая для анализа отношений межличностной значимости и продуктивно описывающая социальный контекст малой группы, может быть успешно использована для анализа отношений макроуровня.

Ключевые слова: *социальные отношения, власть, аттракция, референтность, закрытая группа, закрытое общество, трехфакторная модель «значимого другого».*

Как правило, эмпирические исследования на больших выборках в социальных науках проводятся для решения прикладных задач — описания и объяснения новой социальной реальности. В данной статье представлена относительно редкая стратегия — использование анализа значительного массива эмпирических данных исключительно для того, чтобы проверить теоретическую гипотезу, построенную на идеях А.В. Петровского о специфическом характере процесса функционирования отношений межличностной значимости в закрытой группе, продолженных в работах М.Ю. Кондратьева со своими сотрудниками и аспирантами [4].

История данного исследования уходит корнями в 90-е гг. прошлого века, когда российская социальная психология, переживая вместе с российским об-

ществом период радикальных социально-экономических трансформаций, опробовала новые идеи и термины, как правило, предложенные зарубежными коллегами. Среди подобных новых понятий и идей был концепт «закрытое общество», который использовался преимущественно философами и политологами для описания советского тоталитарного общества.

Впервые термины «открытое общество» и «закрытое общество» были использованы А. Бергсоном в работе «Два источника морали и религии». Закрытое общество, по А. Бергсону, это социальная система, члены которой руководствуются навязываемыми сверху моральными нормами и религиозными табу, передающимися из поколения в поколение механизмом обычаев и традиций. К. Поппер, благодаря которому дихото-

¹ Данное научное исследование (проект № 14-05-0023) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г.

мия «открытое общество»—«закрытое общество» стала популярна, определял закрытое общество как племенное или коллективистское общество, а открытое — как общество, в котором индивидуумы принимают личные решения и находятся в конкурентных отношениях [9]. Закрытое общество, по К. Попперу — это тип общества, характеризующийся статичной социальной структурой, ограниченной мобильностью, неспособностью к инновациям, традиционализмом, догматичной авторитарной идеологией. Открытое общество, напротив, представляет собой тип общества с динамичной социальной структурой, высокой мобильностью, способностью к инновациям, критицизмом, индивидуализмом и демократической плюралистической идеологией.

Кроме термина «закрытое общество», для характеристики устройства «особых обществ», каким являлся и Советский Союз, использовались также и иные определения. Так, социолог А.Н. Олейник, исследуя реальные закрытые группы (а именно, заключенных в тюрьме), предлагал называть данный вид социальной организации «малым обществом», определяя «малое общество» как «такую социальную структуру, которая исключает институционализацию отношений, характеризуется отсутствием взаимосвязи между повседневной жизнью людей и формальной властью и неразвитостью политического представительства интересов обычных людей» [7, с. 16]. В качестве главных критериев для определения «малого общества» А.Н. Олейником взяты неформальный характер отношений в группе и отчуждение обычных людей в группе от тех, кто представляет власть.

Ф. Жюльен те же самые критерии (приоритет не личности, а ее позиции в группе (деперсонализация), а также замкнутые и непроницаемые иерархически организованные социальные сети)) выдвигает для описания социальной культуры «восточного типа» [3]. Таким образом, концепция закрытого общества разделялась не всеми авторами, кто изучал и описывал схожие социальные феномены. Однако как бы ни называли исследователи это общество — «закрытое», «восточного типа», «малое» и т.п. — оно определялось преимущественно через личностную недостаточность (представление о том, что личность не может принимать решения, проявлять субъектность) и жесткую иерархическую организацию социума (в том числе представление о непреодолимых противоречиях между «верхами» и «низами»).

Дискуссии о закрытом обществе сами собой вынуждали связать данный феномен и концепт с понятием «закрытая группа» в социальной психологии. Так, в общей теории систем закрытыми назывались системы, изолированные от внешней среды, а открытыми — имеющие связи с ней. При этом закрытые системы «отличаются от открытых отнюдь не отсутствием связей со средой, а характером этих связей. <...> Если базовые связи со средой зафиксированы ... среда не вносит никаких изменений в систему, и последняя зависит только от связей “внутренних”» [2, с. 66].

В то же время закрытая группа в социальной психологии рассматривается с учетом проблемы монодеятельности и, соответственно, моноструктурированности группы, в логике изоляции от внешних контактов (необходимость решать все проблемы только своими силами и невоз-

возможность «сбросить» во вне отрицательный эмоциональный заряд, возникающий в процессе ограниченного общения) и закономерных изменений внутригрупповой структуры (А.А. Алдашева, М.Ю. Кондратьев, В.Н. Парохин, А.Б. Прохвятилов, Н.Ю. Хрящева, И.К. Широкова и другие)². Изоляция, представленная в обоих определениях (в широком социальном и более узком социально-психологическом) оказывалась характеристикой, опосредующей качество отношений в закрытых социальных системах, что очевидно сближало закрытые группы и закрытое общество и требовало исследований, проблематизирующих и проверяющих данную соотношение.

Кроме того, трехфакторная модель «значимого другого» А.В. Петровского [8 и др.], включающая факторы аттракции, власти и референтности, оказалась весьма продуктивной в отношении понимания специфики структуры межличностных отношений в закрытой группе. М.Ю. Кондратьев выяснил, что в открытой группе межличностные отношения определены всеми тремя факторами (в открытой группе нравиться могут одни, уважают других, власть признают за третьими), в то время как в закрытой группе факторы как бы «слипаются». Аттракция и референтность в закрытой группе во многом зависят от фактора властных отношений, т. е. в закрытой группе уважением и «эмоциональным притяжением» обладают те, кто своей статусной позицией обеспечивает себе власть. Сле-

довательно, в закрытой группе внутригрупповой статус в решающей степени определяет, кого уважать и кто должен нравиться. Дальнейшие исследования показали, что внутригрупповая иерархия закрытой группы статична и жестка, т. е., оказавшись однажды в закрытой группе на определенной статусной позиции, в будущем практически невозможно эту позицию изменить. М.Ю. Кондратьев в своих работах особо подчеркивает «избыточную, разрушительную для единства любого сообщества внутригрупповую статусную поляризацию», присущую закрытой группе, «бурное формирование обособленных, нередко противоборствующих подгрупп» [5, с. 36].

Трехфакторная модель «значимого другого» А.В. Петровского, примененная М.Ю. Кондратьевым к закрытой группе, позволила идентифицировать ранее невидимые внутригрупповые процессы, что облегчило анализ закрытых групп. Теперь, сравнивая концепции закрытого общества и закрытой группы возможно предположить, что ключевая характеристика, их объединяющая, — жестко-иерархичная групповая/общественная структура, где власть опосредует как отношения аттракции, так и отношения референтности, а отношения между страстями поляризованы.

Однако теоретические дискуссии, какими бы захватывающими и очевидными по доказательной базе они не были, требуют эмпирической проверки или превращаются в «метафору» о «совет-

² М.Ю. Кондратьевым определены 4 формы закрытых групп, различающиеся по степени инициативы включения в данную группу ее участников: вынужденную изоляцию (оторванность от социума независимо от желания; например, заблудившаяся в тайге экспедиция); принудительную изоляцию (изоляция вопреки воли в силу определенных социальных правил; например а) осужденные, б) солдаты срочной службы); добровольную изоляцию (добровольное уединение: монахи, отшельники); добровольно-вынужденную изоляцию (закрытые профессиональные группы, а также закрытые профессионально-специализированные образовательные учреждения) [6].

ском». С другой стороны, измерение сложного и уходящего в историю феномена в реальности, во-первых, действительно сложная задача, а, во-вторых, оно требует значительных человеческих и финансовых затрат. В конце 90-х — начале 2000-х гг. в наших руках значительных ресурсов не было, тем не менее в 2001—2002 гг. были собраны и законсервированы данные, которые в дальнейшем смогли пролить свет на связь феномена закрытости в континууме «малая—большая» группы.

Методическое обеспечение исследования

В качестве ключевых теорий, вокруг которых строится исследование, используются:

- трехфакторная модель отношений межличностной значимости А.В. Петровского в интерпретации М.Ю. Кондратьева для закрытых групп;

- концепция «закрытого общества» в изложении К. Поппера.

В качестве ключевого методического инструментария применена техника репертуарных решеток Дж. Келли.

Собранные в 2001—2002 гг. эмпирические данные представляли собой заполненные репертуарные решетки (ТРР — техника репертуарных решеток) Дж. Келли [11], представляющие различные социальные группы Нижнего Новгорода и малых городов Нижегородской области³. Техника репертуарных решеток Дж. Келли в модификации М.Ю. Кондратьева традиционно использовалась социальными психологами для изучения

структуры межличностных отношений в группах, в том числе закрытых.

Поскольку ролевой список в рамках ТРР может быть изменен для реализации целей исследования, было выбрано 14 ролей, которые, согласно исследовательскому замыслу, раскрывают характер отношений между гражданами на макроуровне.

Список ролей

1. Человек, которого Вы хорошо знаете и которому доверяете.

2. Человек, которого Вы хорошо знаете и которому не стали бы доверять.

3. Вы сам(а).

4. Человек, с которым Вы хотели бы встретиться и поговорить.

5. Человек, который слишком много на себя берет.

6. Глава администрации (мэр) Вашего города.

7. Известный и влиятельный человек Вашего города, которого Вы хорошо знаете.

8. Родственник или знакомый, живущий по соседству, который Вам нравится.

9. Глава администрации Нижегородской области (губернатор).

10. Известный и влиятельный человек Нижегородской области, которого Вы знаете лучше других.

11. Родственник или знакомый, живущий в Нижнем Новгороде, с кем Вы поддерживаете отношения.

12. Президент РФ.

13. Известный и влиятельный человек из Москвы, которого Вы знаете лучше других.

14. Родственник или знакомый, живущий в Москве, с кем Вы поддерживаете отношения (или знаете его).

³ Респондентов из Нижнего Новгорода в 4 раза меньше, чем респондентов из малых городов региона (20% из Нижнего Новгорода и 80% из малых городов).

Ключевая идея — представить в ролевом списке тех, кто для респондента олицетворяет три фактора отношений на макроуровне, т. е. лиц, обладающих реальной политической властью, а также уважением, признанием, влиянием в обществе, и «символических фигур», на основании которых можно судить об отношениях в обществе. Таким образом, ролевой список связан с дихотомическим конструктом «приватный мир» (мир друзей и родственников) и «публичный мир» (мир известных людей и политиков), кроме того, в ролевом списке учтена «региональная ось» (т. е. все роли соотношены с местом жительства потенциального объекта из ролевого списка).

В результате одна ролевая позиция была отведена участнику исследования («Вы сами»), две ролевые позиции описывали отношения доверия или недоверия, одна ролевая позиция отражала отношения интереса и аттракции («Человек, с которым Вы хотели бы встретиться и поговорить»), одна позиция — отношения притязаний и анти-аттракции («Амбициозный человек, человек, который слишком много на себя берет»). Посредством введения данных ролей решалась задача отражения отношений аттракции. К ролевым позициям, связанным с отношениями референтности, были отнесены три объекта, обеспечивающих включение известных и влиятельных персон местного, регионального и федерального уровней («Известный и влиятельный человек Вашего района / Нижнего Новгорода / Москвы»). Отношения референтности, таким образом, представлены на мезо- и макроуровне («общественные референты»). Отношения власти отражены в трех ролевых позициях — «глава администрации райо-

на»/«мэр», «Губернатор» и «Президент» (все роли представляют власть макроуровня — политическую власть).

В список ролей также включены члены неформальной социальной сети — «Родственник или знакомый, живущий по соседству, который Вам нравится» (интеграция аттракции и неформальных отношений), а также две нейтральные ролевые позиции из неформального окружения разной степени географической удаленности («Родственник или знакомый, живущий в Нижнем Новгороде, с кем Вы поддерживаете отношения», «Родственник или знакомый, живущий в Москве, с кем Вы поддерживаете отношения»).

Согласно стандартной процедуре проведения ТРР, для анализа респондентам предлагались триады. После того, как сходство и различия между членами триад были осмыслены и лингвистически маркированы, весь список делится респондентом на две равные части, на основании релевантности или нерелевантности тому конструкту, при помощи которого он описывал отношения в триадах. Таким образом, все объекты из ролевого списка оказывались связанными и могли быть подвержены математической обработке, а результаты этой обработки — анализу. В ходе обработки эмпирические данные были перенесены с бумажных носителей в электронные формы и подвергнуты факторному анализу. После тщательной проверки введенных данных (в результате получилась матрица, описывающая результаты 471 человека) был использован факторный анализ (метод главных компонент, Varimax-вращение), построенный на мере расстояния между данными [12].

Результаты исследования

В данной статье будут использованы те части полученного с помощью техники репертуарных решеток Дж. Келли материала, которые:

1. в современных социальных науках теоретизированы в контексте властных отношений (анализ гендерных групп);

2. представляют данные респондентов, прошедших первичную и вторичную социализацию в советской социальной системе (в 2001–2002 гг. эти респонденты были старше 60 лет).

Гендерный анализ отношений власти в социальных науках — одна из наиболее востребованных и разработанных проблем (П. Бурдые, Е. Здравомыслова., Дж. Скотт, А. Темкина и др.). Как правило, контекст власти оказывается в фокусе внимания философских, политологических, социологических гендерных исследований. Социально-психологический уровень, включающий в том числе и анализ интерпретативных матриц сознания, сформированных в процессе гендерной социализации⁴, затрагивается в немногочисленных публикациях [1 и др.].

Ключевая идея гендерной социализации в контексте властных отношений заключается в том, что в традиционном патриархатном обществе мужчины социализированы преимущественно как акторы публичного пространства и встроены во властные иерархии, а женщины социализированы преимущественно как акторы приватного пространства без прямого доступа к ресурсам публичной власти

(традиционные роли: женщина — в доме, мужчина — в обществе) [10]. Это накладывает отпечаток (формирует «гендерные линзы», по С. Бем) на восприятие себя, на оценку социального и объектного мира, на планирование будущего, различного у мужчин и женщин. Советскую гендерную систему в социологии называют этакратической и патримониальной (поскольку советское государство контролировало как приватную, так и публичную сферы), что, тем не менее, не изменило привычной дихотомии, привычного разделения «приватного, экспрессивного, женского» и «публичного, инструментального, мужского».

Поскольку ТРП позволяет достаточно детально описать индивидуальные и групповые «картины мира» (интерпретативные матрицы сознания для анализа социального окружения), проанализируем результаты факторного анализа по группам мужчин и женщин.

Факторный анализ: мужская гендерная группа (210 человек)

На основании выбора стратегии, основанной на мере расстояний, изначально было получено 24 фактора, пять ведущих факторов после вращения объясняют почти 40% данных, полученных на выборке мужчин (табл. 1).

Фактор доверия (факторная нагрузка 9,5; дисперсия 10,5%), основанный на аттракции, самый сильный и сложный по строению фактор, разделяет всю концепцию социальных отношений мужчин на приватный и публичный

⁴ Согласно классической теории социального конструирования гендера (П. Бурдые, Д. Зиммерман, И.С. Кон, Р. Коннел, Дж. Лорбер, Дж. Плек, Е. Томпсон, К. Уэст и др.), «гендер» создается индивидом на основе биологического пола в процессе гендерной социализации. Гендерная социализация носит нормативный и принудительный характер. Результатом гендерной социализации становится более или менее культурно-типичная гендерная идентичность.

Таблица 1

Результаты факторного анализа: мужская гендерная группа

Название и характеристики фактора	Содержательное наполнение фактора (значимые отношения между объектами)
Фактор доверия (факторная нагрузка 9,5; дисперсия 10,5%)	1–3 (0,50), 1–4 (0,53), 1–9 (-0,58), 1–10 (-0,56), 1–13 (-0,50), 3–4 (0,59), 3–9 (-0,50), 4–6 (-0,53), 4–8 (0,59), 4–9 (-0,56), 4–10 (-0,52), 4–13 (-0,51), 6–9 (0,58), 6–10 (0,56), 6–13 (0,54), 9–10 (0,53), 9–13 (0,56), 10–13 (0,54)
Фактор амбиций (факторная нагрузка 7,6; дисперсия 8,3%)	1–5 (0,62), 3–5 (0,67), 4–5 (0,56), 5–6 (-0,70), 5–8 (0,62), 5–9 (-0,61), 5–11 (0,54), 5–12 (-0,70), 5–13 (-0,75)
Фактор влияния (факторная нагрузка 6,1; дисперсия 6,7%)	3–11 (-0,50), 4–11 (-0,50), 6–7 (-0,50), 7–8 (0,57), 7–9 (-0,54), 7–10 (-0,53), 7–13 (-0,54), 8–11 (-0,55), 9–11 (0,58), 10–11 (0,51), 11–13 (0,55)
Фактор границы мобильных родственных сетей (факторная нагрузка 5,97; дисперсия 6,6%)	1–14 (-0,72), 3–14 (-0,69), 4–14 (-0,51), 6–14 (0,66), 8–14 (-0,59), 9–14 (0,57), 10–14 (0,65), 13–14 (0,58)
Фактор недоверия (факторная нагрузка 4,9; дисперсия 5,4%)	1–2 (-0,70), 1–12 (0,58), 2–3 (-0,68), 2–4 (-0,63), 2–6 (0,58), 2–8 (-0,59), 2–9 (0,65), 2– 10 (0,77), 2–13 (0,57), 3–12 (0,62), 8–12 (0,51), 10–12 (-0,50)

мир. Приватному (неформальному) кругу доверяют, публичному – не доверяют. В публичный круг и круг недоверия входят как представители местной и региональной власти (мэр, губернатор), так и «общественные референты» (известные и влиятельные люди не из политики). Примечательно, что данный фактор активно работает с отношениями власти на региональном и местном уровнях, с отношениями «общественных референтов» на региональном и федеральном уровне, негативно окрашивая публичные фигуры, но не касаясь фигуры президента.

Фактор амбиций (факторная нагрузка 7,6; дисперсия 8,3%) также проблематизирует дихотомию приватного–публичного. Амбициозными оказываются все представители власти, включая пре-

зидента, а также «общественный референт» из столицы. В числе скромных оказываются те, кому респонденты доверяют, сами участники исследования, а также все аттрактивные персоны, включая родственников из областного центра (Нижегородского).

Фактор влияния (факторная нагрузка 6,1; дисперсия 6,7%) разделяет социальные отношения на тех, кто оказывается влиятельным в родственных отношениях, и тех, кто влияет на уровне местного сообщества. Это также мир разделенного влияния: сети влияния родственников и «общественных референтов» не пересекаются, при этом себя участники исследования рассматривают внутри неформальной, «родственной сети», считают удаленными от влияния «общественных референтов».

Фактор границы мобильных родственных сетей (факторная нагрузка 5,97; дисперсия 6,6%) учитывает активность мобильных родственников, которые покидают географически близкие места (перемещаются из окраины в центр), однако сохраняют связи с ближним семейным кругом. Мобильные родственники оказываются «своими» в чужом географическом пространстве: удаляясь от семьи, они не становятся похожими на публичные фигуры (на политиков или известных общественных деятелей), сохраняют характеристики аттрактивности и доверительности в «концепции социального мира» респондентов-мужчин.

Фактор недоверия (факторная нагрузка 4,9; дисперсия 5,4%) разделяет социальный мир на основании того, кому респонденты не доверяют. Выясняется, что недоверительные отношения сопряжены с фигурами мэра, губернатора, с фигурами «общественных референтов» из Нижнего Новгорода и Москвы. Ближний неформальный круг включает тех, к кому данная характеристика не может быть применена (например, себя или любимого родственника). Важной особенностью данного фактора является наиболее активная проблематизация президентской власти. Президент — это не только тот, кому невозможно не доверять, президент — это тот, с кем, противопоставляя себя любой другой власти (мэра или губернатора), мужчины-респонденты готовы идентифицировать себя и свой ближайший неформальный круг. Данный фактор, во-первых, словно вскрывает архетип российского сознания относительно «добраго царя» (у которого власть «от Бога»), а, во-вторых, обнажает детскую мечту мальчиков о президентстве на фоне разочарования в

получении властных полномочий в реальной жизни в местном сообществе.

Итак, ведущие пять факторов не только связывают отношения аттракции, власти и референтности при анализе социальных отношений, но и определенно указывают на основные стратегии конституирования властных отношений в сознании респондентов-мужчин посредством доверия и недоверия, амбиций или скромности, посредством влияния и отчуждения «управляющего центра».

На первый взгляд, «доверие» и «недоверие» — бинарная оппозиция, симметрично разделяющая социальный мир респондентов. Как выяснилось, это два самостоятельных интерпретативных конструкта, при этом фактор доверия у мужчин, как и у членов закрытых групп, тесно связывает отношения власти, аттракции и референтности, иначе расставляя акценты в этой связке.

Что касается фактора недоверия, то он показывает более сложные системы идентификаций мужчин-респондентов с властью, которые негативно оценивают местную власть, но готовы принять власть президентскую.

Факторный анализ: женская гендерная группа (261 человек)

Факторизация данных на основе меры расстояний по женской выборке, первоначально дала 24 фактора, после вращения — 6 (см. табл. 2).

Фактор доверия (факторная нагрузка 8,1; дисперсия 8,9%) является сильным и значимым для женщин, однако данный фактор не столько содержательно наполнен, сколько эмоционально глубок. Данный фактор делит все социальные связи на «чужих политиков» (к которым также относятся и «общественные референты»

Таблица 2

Результаты факторного анализа: женская гендерная группа

Название и характеристики фактора	Содержательное наполнение фактора
Фактор доверия (факторная нагрузка 8,1; дисперсия 8,9%)	1–3 (-0,55), 1–4 (-0,53), 1–6 (0,53), 1–9 (0,51), 3–4 (-0,61), 3–8 (-0,50), 3–9 (0,54), 4–8 (-0,63), 4–9 (0,56), 4–10 (0,53), 6–10 (-0,65), 9–10 (-0,60)
Фактор влияния (факторная нагрузка 7,0; дисперсия 7,7%)	1–7 (-0,53), 3–7 (-0,51), 6–7 (0,52), 7–9 (0,60), 7–13 (0,52)
Фактор амбиций (факторная нагрузка 5,9; дисперсия 6,5%)	1–5 (-0,68), 1–13 (0,51), 3–5 (-0,71), 3–13 (0,56), 4–5 (-0,57), 5–6 (0,66), 5–8 (-0,64), 5–9 (0,78), 5–10 (0,54), 6–13 (-0,50), 9–13 (-0,51)
Фактор границы мобильных родственных сетей (столичный уровень) (факторная нагрузка 5,5; дисперсия 6,0%)	1–14 (0,72), 3–14 (0,67), 4–14 (0,63), 6–14 (-0,73), 8–14 (0,63), 9–14 (-0,70), 10–14 (-0,57)
Фактор границы мобильных родственных сетей (в пределах региона) (факторная нагрузка 4,9; дисперсия 5,3%)	1–11 (0,72), 3–11 (0,72), 4–11 (0,64), 6–11 (-0,63), 8–11 (0,64), 9–11 (-0,67), 10–11 (-0,62), 11–12 (-0,53), 11–13 (-0,55)
Фактор недоверия (факторная нагрузка 4,5; дисперсия 4,99%)	1–2 (0,69), 2–3 (0,67), 2–4 (0,73), 2–6 (-0,71), 2–8 (0,57), 2–9 (-0,73), 2–10 (-0,63), 2–12 (-0,54), 2–13 (-0,55)

из областного центра) и близких людей, которые женщинам дороги.

Фактор влияния (факторная нагрузка 7,0; дисперсия 7,7%) у женщин-респондентов сосредоточен на фигуре местного «общественного референта». «Общественные референты» из малых городов оказываются частью родственной сети, им противопоставляются фигуры политической власти (мэр и губернатор), а также «общественные референты» из столицы.

Фактор амбиций (факторная нагрузка 5,9; дисперсия 6,5%) у женщин содержит «интригу». Среди нескромных оказываются как негативно окрашенные, так и позитивно окрашенные фигуры. К «положительным» амбициозным фигурам женщины относят столичных «общественных референтов». Среди скромных — представителей близкого круга. Важно отметить, что, если мужчины в исключительных случаях соотносят себя

скорее с президентом (см. фактор недоверия у мужчин), то женщины — с «обшественным референтом» из Москвы.

Фактор границы мобильных родственных сетей (столичный/федеральный уровень: «свой среди чужих») (факторная нагрузка 5,5; дисперсия 6,0%) описывает социальный мир через соотнесение с мобильным родственником, который покинул пределы локального места проживания, а также границы региона и осел в Москве. Данный родственник в системе социальных отношений у женщин — своеобразный ресурс, поскольку мобильный родственник остается частью родственной сети и противопоставлен публичным фигурам (мэру, губернатору и «общественному референту» из областного центра).

Фактор границы мобильных родственных сетей (в пределах региона) (факторная нагрузка 4,9; дисперсия 5,3%) во многом устроен по принципу фактора

границы мобильных родственных сетей федерального уровня, только формируется он вокруг фигуры родственника из Нижнего Новгорода. «Мобильные родственники» становятся в представлении женщин островками родного «приватного мира» в чужих мирах публичности.

Фактор недоверия (факторная нагрузка 4,5; дисперсия 4,99%) у женщин достаточно однозначно и традиционно делит мир на приватный мир, которому доверяют, и публичный, которому не доверяют. В отличие от «мужского взгляда» фактор недоверия фактически просто «отзеркаливает» фактор доверия.

Факторный анализ данных ТРР по женской группе позволяет идентифицировать как ключевые факторы доверия и недоверия, факторы влияния, амбиций и границы мобильных родственных сетей. Сравнивая данные факторного анализа в мужской и женской группах, следует подчеркнуть схожие результаты в оценке власти у мужчин и женщин, однако содержание факторов в мужской группе более сложное и драматичное (см., например, содержательное наполнение факторов доверия или недоверия у мужчин и женщин). С другой стороны, в женской группе был идентифицирован более сложный процесс выстраивания границ между приватным и публичным мирами. Если для мужчин все мобильные родственники, покинувшие семью и переехавшие на более урбанизированные территории, олицетворяют границу между приватным и публичным, то женщины более дифференцированно оценивают отношения с мобильными родственниками. Те родственники, которые переехали из малых городов в Нижний

Новгород, оказываются определенным эталоном в оценке социальной сети регионального уровня, а родственники, осевшие в столице, — регионального и федерального уровней. Таким образом, классическая и в целом архаичная для современных мужчин и женщин дихотомия «мужское—публичное», «женское—приватное» воспроизводится в мягкой форме, без явного противопоставления, кроме того женская группа чуть более определенно ориентируется на «влияние» (соотнесение себя с «общественным референтом» столичного уровня), а мужская — на «власть» (исключительно в лице президента, представители же власти регионального и местного уровней обесцениваются).

Факторный анализ: пожилые респонденты (232 человека)

Поскольку данные были собраны на рубеже XX и XXI вв., формально «советский период» для анализа был недоступен. Тем не менее в начале 2000-х гг. в исследовании принимали участие респонденты, которые большую часть своей жизни прожили в «советский период», прошли и первичную, и вторичную социализацию в советское время. Это давало возможность предположить, что респонденты старше 60 лет гипотетически могут оказаться теми «советскими людьми», которые на постсоветском этапе, пережив тяжелый социально-экономический кризис 90-х гг., тем не менее сохранили «психологию советского человека».

Факторизация данных на основе меры расстояний на выборке пожилых (не работающих респондентов старше 60 лет) первоначально дала 25 факторов, после вращения — 5 (табл. 3).

Таблица 3

Результаты факторного анализа: пожилые респонденты

Название и характеристики фактора	Содержательное наполнение фактора
Фактор негативной оценки власти (факторная нагрузка 9,2; дисперсия 9,6%)	1–2 (-0,56), 1–5 (-0,58), 2–3 (-0,59), 2–4 (-0,61), 2–6 (0,58), 2–9 (0,59), 2–10 (0,50), 3–5 (-0,61), 3–12 (0,56), 4–5 (-0,64), 4–12 (0,56), 5–6 (0,57), 5–9 (0,67), 5–10 (0,55), 9–12 (-0,57), 9–13 (-0,52), 10–12 (-0,60)
Фактор социальной границы и локальных солидарностей (факторная нагрузка 7,8; дисперсия 8,5%)	1–3 (-0,52), 1–4 (-0,54), 1–8 (-0,53), 1–9 (0,56), 1–10 (0,56), 3–4 (-0,56), 4–8 (-0,60), 4–9 (0,59), 6–9 (-0,56), 6–10 (-0,60), 9–10 (-0,57)
Фактор границы мобильных родственных сетей (в пределах региона) (факторная нагрузка 5,4; дисперсия 5,8%)	1–11 (0,67), 3–11 (0,70), 4–11 (0,66), 6–11 (-0,56), 8–11 (0,59), 9–11 (-0,62), 10–11 (-0,53), 11–12 (-0,50), 11–13 (-0,53)
Фактор границы мобильных родственных сетей (столичный уровень) (факторная нагрузка 5,0; дисперсия 5,5%)	1–14 (-0,68), 3–14 (-0,60), 4–14 (-0,61), 6–14 (0,73), 8–14 (-0,50), 9–14 (0,68), 10–14 (0,53), 13–14 (0,53)
Фактор москвофобии (факторная нагрузка 4,6; дисперсия 5,0%)	2–11 (0,56), 2–12 (-0,55), 2–13 (-0,59), 5–11 (0,51), 5–12 (-0,51), 5–13 (-0,51)

Фактор негативной оценки власти (факторная нагрузка 9,2; дисперсия 9,6%) отражает отношения между объектами, представляющими как приватную, так и публичную сферы. Негативно оцениваются все публичные фигуры из области политической власти (мэр, губернатор и президент), а также «общественные референты» из областного центра. Негативная оценка также является комплексной, затрагивая как недоверие к публичным фигурам в целом, так и восприятие публичных фигур в контексте негативной референтности (как людей, которые слишком много на себя берут и не оправдывают ожидания). Важно отметить, что из пула негативной оценки выпадают местные и столичные «общественные референты».

Фактор социальной границы и локальных солидарностей (факторная нагрузка 7,8; дисперсия 8,5%) делит мир на привлекательную «приватную сферу», где локализованы отношения симпатии

и принятия, и сплоченных, но далеких от респондентов публичных акторов, как правило, политической власти локального и регионального уровней (мэр, губернатор, «общественный референт» из областного центра).

Фактор границы мобильных родственных сетей (в пределах региона) (факторная нагрузка 5,4; дисперсия 5,8%) воспроизводится и на выборке пожилых респондентов. «Точкой отсчета» оказывается мобильный родственник, который осел в областном центре, но по-прежнему является включенным в родственные и доверительные отношения с респондентами. Все привлекательные и положительно окрашенные фигуры, включая самих респондентов, оказываются близкими родственнику из Нижнего Новгорода, а публичные фигуры, представляющие местную и региональную политическую власть, и региональных «общественных референтов» – удаленными от него.

Фактор границы мобильных родственных сетей (столичный/федеральный уровень: «свой среди чужих») (факторная нагрузка 5,0; дисперсия 5,5%) показывает, что пенсионеры-респонденты традиционно считают мобильного родственника, осевшего в Москве, ставшим «своим среди чужих» в удаленном (географически и социально) пространстве.

Фактор москвофобии (факторная нагрузка 4,6; дисперсия 5,0%) по содержанию соотносится с фактором границы мобильных родственных сетей. Всем москвичам из публичного пространства («общественному референту» из Москвы и президенту), которым респонденты не доверяют и считают их излишне амбициозными, противопоставляется мобильный родственник из Нижнего Новгорода (областного центра), который, несмотря на географическое удаление, сумел сохранить необходимый уровень доверия и демонстрирует скромность. Таким образом, в факторе «москвофобия» присутствует не только измерение «центр—регион», но также «приватное—публичное».

Итак, мир респондентов — «советских пенсионеров» оказался миром, который хорошо вписывается в теорию фрактала: каждая часть данного мира воспроизводит жесткую границу между приватным и публичным, при этом публичное оценивается крайне негативно. Фактически весь мир социальных отношений пожилых состоит из границ (между москвичами и немосквичами, между мобильными родственниками и миром, который они покоряют, между родными, друзьями и публичными фигурами — носителями общественного влияния или политичес-

кой власти), а также из недоверия публичным фигурам, особенно политическим лидерам. Практически все факторы сгруппировались («слиплись») вокруг одного — фактора аттракции. «Советским пенсионерам» нравятся «свои» и определенно, выражено не нравятся «чужие» (публичные фигуры, политики и т.д.).

Относится ли это к психологии советского человека или связано скорее с травмой «перехода», с кризисом 90-х гг., когда большинство россиян разочаровалось в политической власти? Наиболее вероятно, это комплексный результат, включающий как особенности предыдущей социализации, так и разочарование, социальные травмы. Кроме того, и в концепции «малого общества», и на материале закрытых групп была продемонстрирована поляризация, отчуждение тех, кто правит, и тех, кем правят. Наиболее выраженное отчуждение между респондентами и политической властью было обнаружено именно у группы пожилых — «советских пенсионеров». Следовательно, полученные результаты (в большой группе, в обществе) повторяют ключевые закономерности, изученные в закрытых малых группах, т. е. в закрытых сообществах (будь то малая группа или большая) существуют общие закономерности.

Интерпретации результатов исследования

Факторный анализ показателей, выполненный на массиве данных 471 человека, описывающих социальные отношения на макроуровне в контексте политической власти или общественного влияния, показал, что данные от-

ношения в разных социальных группах характеризуются посредством нескольких ключевых факторов, а именно не-антонимичных факторов доверия и недоверия, влияния и амбиций, социальной границы и локальных солидарностей, а также фактора границы мобильных родственных сетей. При этом политическая (исполнительная) власть местного и регионального уровней (мэр и губернатор) оценивается негативно по всем выделенным факторам, а политическая власть федерального уровня (роль президента), как правило, оценивается более нейтрально. «Общественные референты», представляющие влияние в обществе, поляризованы. Более позитивно оцениваются местные, локальные «общественные референты», а также «общественные референты» из Москвы (для некоторых подвыборок). «Общественные референты» из областного центра (не удаленные, но и не близкие) идентифицируются как связанные с региональной и местной политической властью, зависимые от этой власти и оцениваются при этом негативно.

Идея разведения отношений аттракции, референтности и власти на мезо- и макроуровне, в изучаемой системе социальных отношений оказалась продуктивной. Модель властных отношений, которая может быть сформирована на основе проведенного факторного анализа, отражает аттракцию, референтность, власть, противопоставляя власть и отношения аттракции, отношения аттракции и отношения референтности. В целом подобное строение интерпретативных матриц для анализа социальных отношений власти возможно охарактеризовать

как сознание членов открытых групп. Однако резкая поляризация отношений референтности и аттракции, власти и аттракции может быть также проинтерпретирована в контексте посттоталитарного сознания закрытой группы («закрытого общества»).

В представляемом исследовании доминировали жители реальной провинции, «обычные россияне», не обладающие какими-либо значительными социальными и экономическими ресурсами. Характеризуя интерпретативные матрицы, используемые респондентами при представлении социальных отношений и сетей в контексте психологии постсоветского человека, следует отметить как главную характеристику (и наследие «советского») данных интерпретативных матриц — отчуждение частного и публичного миров. В этом контексте представляется важным исследовать интерпретативные матрицы социальных отношений у представителей родственных кланов управленцев, чиновников, т. е. тех, кто олицетворяет власть и, соответственно, строит иные схемы интерпретации властных отношений.

Таким образом, российская политическая психология, стартовав в конце XX в., имеет ресурсы для построения теорий и концепций, релевантных специфике российской социальной реальности, сформулированных в традициях отечественной психологии. Трехфакторная модель отношений межличностной значимости А.В. Петровского может быть использована как одна из наиболее продуктивных для изучения особенностей трансформации постсоветского социального пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004.
2. Ефимичук И.В. Собственность как социальная система. Нижний Новгород, 2004.
3. Жюльен Ф. Трактат об эффективности. М.; СПб., 1999.
4. Кондратьев М.Ю. О научной психологической школе А.В. Петровского в Московском городском психолого-педагогическом университете // Социальная психология и общество. 2011. № 3.
5. Кондратьев М.Ю. Особенности межличностных отношений в профессионально специализированных интернатах // Вопросы психологии. 1995. № 6.
6. Кондратьев М.Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб., 2005.
7. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.
8. Петровский А.В. Трехфакторная модель «значимого другого» // Вопросы психологии. 1991. № 1.
9. Поннер К. Открытое общество и его враги. Т. 1–2. М., 1992.
10. Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2007.
11. Fransella F. (ed.) International handbook of personal construct psychology. Chichester, 2003.
12. Mackay N. Identification, Reflection, And Correlation: Problems In The Bases Of Repertory Grid Measures // International Journal of Personal Construct Psychology. 1992. V. 5. № 1.

Power, Attraction and Reference in Macro-level Social Relationships: Closed Group and Closed Society

N.K. RADINA

*Doctor in Political Science, PhD in Psychology, professor at the Higher School
of Economics (Nizhny Novgorod branch)*

The paper presents outcomes of a research which aimed to empirically test a hypothesis that A.V. Petrovsky's three-factor model of the 'significant other', commonly used to analyze relationships of interpersonal significance and to effectively describe the social context of a small group, may as well be applied for the purposes of macro-level relationships analysis.

Keywords: *social relationships, power, attraction, reference, closed group, closed society, three-factor model of 'significant other'.*

REFERENCES

1. Bem S. Linzy gendera: Transformaciya vzglyadov na problemu neravenstva polov. M., 2004.
2. Efimichuk I.V. Sobstvennost' kak social'naya sistema. Nizhnii Novgorod, 2004.
3. Zhyul'en F. Traktat ob effektivnosti. M., SPb., 1999.
4. Kondrat'ev M.Yu. O nauchnoi psihologicheskoi shkole A.V. Petrovskogo v Moskovskom gorodskom psihologo-pedagogicheskom universitete // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2011. № 3.
5. Kondrat'ev M.Yu. Osobennosti mezhlchnostnyh otnoshenii v professional'no specializirovannyh internatah // Voprosy psihologii. 1995. № 6.
6. Kondrat'ev M.Yu. Social'naya psihologiya zakrytyh obrazovatel'nyh uchrezhdenii. SPb., 2005.
7. Oleinik A.N. Tyuremnaya subkul'tura v Rossii: ot povsednevnoi zhizni do gosudarstvennoi vlasti. M., 2001.
8. Petrovskii A.V. Trehfaktornaya model' "znachimogo drugogo" // Voprosy psihologii. 1991. № 1.
9. Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T 1—2. M., 1992.
10. Rossiiskii gendernyi poryadok: sociologicheskii podhod / Pod red. E. Zdravomyslovoi, A. Temkinoi. SPb., 2007.
11. Fransella F. (ed.) International handbook of personal construct psychology. Chichester, 2003.
12. Mackay N. Identification, Reflection, And Correlation: Problems In The Bases Of Repertory Grid Measures // International Journal of Personal Construct Psychology. 1992. V. 5. № 1.